

Беспорядочная грамматика: почему я и дальше не собираюсь цитировать Александра Бикбова

В. А. Куренной

Куренной Виталий Анатольевич
кандидат философских наук, профес-
сор Школы философии и культуроло-
гии факультета гуманитарных наук На-
ционального исследовательского уни-

верситета «Высшая школа экономики».
Адрес: 105066 Москва, ул. Старая Бас-
манная, 21/4, стр. 1.
E-mail: vkurennoj@hse.ru

В своем кратком ответе на присланное в редакцию журнала нервное письмо А. Бикбова я не буду комментировать все его яркие моменты — морализаторство на грани крика, желание приписать себе позицию обязательного к цитированию классика и действительно выдающие глубокое погружение в приемы советского дискурса намеки на лженаучность и «сталинизацию истории личности» (sic!).

Единственный момент, который я считаю тут достойным обсуждения, состоит в том, что фрагмент (объемом менее четырех страниц) моей статьи, посвященной совершенно другому вопросу, полностью фальсифицирует пространные изыскания автора, которые в статье оказались вне поля моего внимания и не удостоились ссылки. Последнее не было случайностью, поскольку основную часть работы Бикбова я не стал читать, ознакомившись в свое время с предисловием к ней. Теперь же, после предваряющей этот обмен репликами в «Вопросах образования» переписки, я все же взял на себя труд ознакомиться и с соответствующим разделом его сочинения. Поэтому в качестве ответа Бикбову просто поделюсь соображениями о том, почему я считаю, что был прав, отложив эту книгу в сторону. Фактически речь идет о запоздавшей мини-рецензии на работу (точнее — на ее часть), автор которой выступил с неожиданным демаршем на страницах журнала, — не комментировать же в самом деле его рассуждения в духе доморощенной психологии. Также вынужден принести извинения редакции журнала

за самоцитирования: характер выдвинутых Бикбовым претензий на оригинальность вынуждает меня разъяснить некоторые вопросы старой хронологии.

Начну с того, что история понятий — стандартный на сегодняшний день рабочий инструмент в гуманитарных науках. Умение им пользоваться — рабочий навык, а вся волнительная новизна этого метода осталась в прошлом. Это не самый сложный навык, предполагающий, однако, определенную методологическую дисциплину. Прочитав введение к книге Бикбова, озаглавленное «Метод исторической социологии понятий», я сразу отложил этот текст, поскольку немного знаком с историей и методологией истории понятий¹. В нем нет никакой методологической ясности, но есть необязательное жонглирование понятиями, которое свидетельствует о том, что перед нами не вполне научное исследование, а какая-то очередная заявка на небывалую теоретическую оригинальность и едва ли не на новую дисциплину, вид занимательной интеллектуальной публицистики или, возможно, программа какой-то социальной или политической революции или реформы. Тем самым я никак не хочу принизить интеллектуальные достоинства автора — тонкие наблюдения и интересные мысли здесь рассеяны в изобилии. Проблема только в том, что это, на мой взгляд, никакое не исследование по истории понятий (во всяком случае, в том разделе, с которым я ознакомился), а текст, призванный застолбить исследовательское поле в духе советской академической культуры (что блистательно и подтверждает письмо-окрик в редакцию, требующее внимания к «учреждающему» якобы характеру этой работы)². Теоретические пояснения здесь сводятся к нагромождению метафор, не обладающих определенностью ни в какой своей точке. Вот образцы этой «грамматики порядка», которые можно черпать из книги фактически наугад: «Прошлое, запечатленное в узлах и ячейках этой [понятийной] сетки, не диктует нам восприятия актуальности с неизбежностью при-

¹ Из последних публикаций на эту тему: [Куренной, 2017].

² В 2004–2007 мы с А. Бикбовым участвовали в широком международном исследовательском проекте «„Лицо“ и „субъект“ в русско-немецких культурных связях. Исследования семантического поля „персональности“ в межкультурной перспективе» (фонд «Фольксваген», ФРГ). В ходе этого исследования я, в частности, подготовил большую работу «Семантика „личности“ в русской педагогике XIX — начала XX в.». К сожалению, наши немецкие партнеры пока так и не опубликовали данные исследования. Более того, когда я задал организаторам вопрос о возможности независимой публикации текста, то получил отказ. Соответствующие исследования Бикбова легли в основу его книги, другие же авторы смиренно ожидают публикации работы, сделанной уже более 10 лет назад. Тем самым мы наблюдаем определенную асимметрию в правах публикации исследований, которые велись одновременно.

говора. Ее элементы прагматически переприсваиваются и калибруются вслед за смещениями и разрывами в силовых полях, которые мы и склонны отождествлять с „самой реальностью“. Однако история обнаруживает себя не только в прямом диктате неотменимых условий: ранее установленных границ, групп родства и бесспорных очевидностей. Исторически определенные формы опосредуют любой разрыв, который создает следующую, прежде немислимую разметку реальности, т. е., в конечном счете, саму известную и понятную нам реальность. Значит, исследование понятий — это прояснение и *подготовка условий* такого разрыва» [Бикбов, 2014. С. 10–11]. Это можно понять так, что история понятий для автора — это «подготовка условий для разрыва», видимо, с каким-то прошлым по направлению к какому-то прежде немислимому будущему. Я себе так историю понятий не представляю, для меня это исследовательский инструмент, а не проект политических или социальных преобразований³, — помимо, конечно, того, что любое хорошее историческое исследование действительно «делает нас свободными» (Вильгельм Дильтей). Введение пестрит множеством усложненных формулировок и краткими интервенциями в необозримый набор проблематик. Но есть одна формулировка, которая, насколько я вижу, прочитав один из разделов книги, является сравнительно адекватным выражением использованного в книге основного метода: «Анализ семантики социальных и политических понятий в настоящей книге с технической точки зрения представляет собой „ручную“ и выборочную обработку контекстообразующих связей в опубликованных текстовых источниках» [Там же. С. 28]. «Ручная» и «выборочная» — эти понятия в данном случае надо понимать буквально: речь идет о полном методологическом произволе в выборе и операциях с корпусом текстов, который строго очерчен одним-единственным критерием — они были напечатаны. Наконец, в этом тексте есть и ряд других ошеломляющих для меня заявлений, например отождествление (основных) понятий и институтов [Там же. С. 36]. Последнее, кстати, блокирует для автора возможность выступать не как историк понятий, но хотя бы как социолог, способный напомнить нам о социальной и институциональной реальности, находящейся за пределами этих самых понятий.

³ Хотя мне известны историки понятий — авторы проектов социальных преобразований, такие как Рудольф Эйкен, который создал вокруг себя настоящую идейную секту по духовному преобразению мира [Lübbe, 2003. S. 21]. Но он интересен также и тем, что имел Нобелевскую премию по литературе и был первоклассным историком, прошедшим школу Адольфа Тренделенбурга: его истории понятий были основой для множества последующих исследований в этой области.

Прочитав все это шесть лет назад я, конечно, никогда больше не возвращался к этой книге как к источнику для чего бы то ни было. Впрочем, не мог не отметить, что в книге нет ссылки ни на мой принципиальный текст, проблематизирующий аномальную устойчивость российского и советского педагогического дискурса, включая формулу о «всестороннем развитии» человека [Куренной, 2007], ни на множество других работ, прямо касающихся темы исследования автора. Например, проигнорирована работа Эгле Риндзевичуте [Rindzevičiūtė, 2008] и ее наблюдения относительно советского дискурса «потребностей и услуг», автору «Грамматики порядка» также не известна книга Алексея Юрчака о советском дискурсе (первое издание: [Yurchak, 2005]). Проблема, поднятая в моей статье 2007 г., кстати, имеет дело с тем же вопросом, который привел Алексея Юрчака к теории позднесоветского «авторитетного дискурса»: с аномальной устойчивостью последнего. Что является примером интересного совпадения выводов независимых исследователей (статья основана на моем докладе 2005 г.) и теперь позволяет мне с удовольствием опираться на исследование коллеги и с ним соотноситься. В моей академической культуре, однако, принято не устраивать редакциям журналов истерики по поводу подобных совпадений, а радоваться им: они подтверждают правильность твоих собственных усилий и формируют единую научную культуру помимо уединенных усилий каждого из нас. Из этого маленького экскурса в библиографию следует, в частности, вот что: Бикбов спустя девять лет в специализированной большой книге, посвященной советскому строю понятий, не упоминает не только мой скромный текст, но и одно из наиболее известных на сегодняшний день в международной научной среде исследований по специфике советского дискурса, при этом имеет наглость, проигнорировав действительно установочные работы, поучать других этике научной работы и цитирования⁴. Впрочем, я рад, что хотя бы из моего четырехстра-

⁴ Возможно, следовало бы указать и многие другие особенности цитирования, которые использует автор «Грамматики порядка». Например, у ученых есть небольшие открытия, которыми мы гордимся как неожиданными и редкими находками. Такой находкой у меня, в частности, является открытие употребления Лейбницем в планах создания научных институтов в России метафоры страны как *tabula rasa* (т. е. метафоры, принадлежащей его главному философскому оппоненту — Джону Локку), которую затем можно проследить вплоть до языка новейших российских реформаторов. Об этом сказано в тексте о Лейбнице [Куренной, 2004], об этом говорится в докладе, сделанном в МГУ в 2009 г. (тезисы в публичном доступе: [Куренной, 2009б]). Однако наш редактор за научный порядок все это игнорирует, ссылаясь лишь на последние работы коллег, позднее принявшихся за историческую разра-

ничного фрагмента в журнале «Вопросы образования» за 2020 г., где я использовал методологию истории понятий для решения интересующего меня очень узкого вопроса, автор «Грамматики порядка» узнал о существовании этих исследований (во всяком случае, в имеющемся у меня первом издании работы нет никаких следов их упоминания). И да, именно они, написанные раньше и, на мой взгляд, лучше, являются, в том числе, источником моего «методологического вдохновения».

Теперь я объясню, почему мини-исследование, в котором Бикбову слышится эхо его изысканий, нечаянно полностью фальсифицировало его пространные рассуждения о личности и сочиненные тенденциозные схемы.

Книга постоянно варьирует на разные лады тезис, адресованный анонимному оппоненту, который состоит в том, что весь «корпус официально уполномоченной советской речи» неверно представлять как «идеологический монолит, лишенный внутренних членений и непредвиденных сдвигов» [Бикбов, 2014. С. 171]. Поэтому свою задачу автор видит в том, чтобы этот монолит представить как цветущее разнообразие (я опущу все комментарии относительно совершенно близорукой недооценки инертности не только в пределах советской истории, но и в нашей нынешней российской ситуации по отношению к советской). В частности, дискутируя со своим воображаемым оппонентом, автор ставит себе в заслугу выделение в особый дискурсивно-речевой период 1920–1940-х годов, в других местах сдвиг приходится на 1950–1960-е годы. Основание этих усилий понятно: выделить в отдельный период сталинскую эпоху. Является ли эта задача новой или оригинальной? Нет, не является, эта дисконтинуальность представляет собой часть официального самоописания в позднем СССР, даже если отвлечься от таких осевых событий, как критика культа личности. Хороший пример — текст А. Зворыкина об этапах культурной политики СССР, подготовленный для международного сообщества (точнее говоря, для ЮНЕСКО). Здесь выделены три периода культурной политики в СССР: 1) 1917–1927 гг. — период «начала культурной революции»; 2) 1928–1958 гг. — период «экстенсивной трансформации культуры в чисто социалистических направлениях»; 3) период с 1958 г., который характеризуется как завершающий период культурной революции, задача которого состоит в том, чтобы «трансформировать социалистическую культуру в коммунистическую» [Zvorykin, 1970. P. 14–15]. Иными словами, нет никакой

**Мнимая новизна
и борьба
с ветряными
мельницами**

ботку этого сюжета [Бикбов, 2014. С. 24]. Последнему обстоятельству я, кстати, только рад.

заслуги во ведении тех различий, которые усиленно пытается проводить Бикбов в своей работе⁵. На самом деле он возвращает нам дистинкции советских самоописаний образца 1970 г., которые, о чем еще скажем ниже, представляют собой несколько сдвинутые шкалы сталинской периодизации, сформулированной еще в довоенный период.

Отсутствие принципов выделения корпуса текстов

Мои четыре страницы являются краткой, но исчерпывающей фальсификацией построений Бикбова по простой причине: они придерживаются определенных принципов отбора текстов. Работа идет с выделенным корпусом текстов, выбор которых можно обосновать, в данном случае это партийные программы и тексты руководителей партии. Небольшое исследование удалось, потому что я взял на себя труд их проработать методически. Если мы заглянем в «Граматику порядка», то, напротив, увидим там полный беспорядок. Вот просто перечень ссылок на верифицирующие цитаты источники (подряд с наугад открытой страницы 184–187): открытое письмо ЦК КПСС; заметка Н. Абалкина в газете «Правда»; учебник для юридических факультетов; 2-е издание Большой советской энциклопедии; некий текст «Претворим в жизнь исторические решения XXIV съезда КПСС»; статья Г. Мальцева в журнале «Правоведение» etc. Это называется история понятий? Спасибо, не надо. Разумеется, при таком подходе исследование Бикбова никуда не продвинулось с точки зрения важнейшего для любой мыслимой истории понятия вопроса: а когда оно появляется и почему играет такую важную роль?⁶ Не определен даже статус формулы «гармонич-

⁵ Например, раздувая мнимое различие между формулами «гармонично развитая личность» и «гармоничное развитие человека». Здесь не проявляется ничего, кроме индивидуальных речевых особенностей: в языке образованной партийной верхушки и современников Сталина — у Крупской, Луначарского, Кржижановского и т. д. — эти формулы равным образом употребительны. Тексты последних насыщены понятием «личность» безотносительно к особенностям языка Сталина, например: «Социалистический идеал должен быть так построен, чтобы способствовать наивысшему развитию каждой личности. С этой точки зрения, в будущем личность будет разворачиваться гармонично и общество будет ей содействовать, но и в настоящем, пока сформируется такое положение, человек имеет право на всестороннее счастье» [Луначарский, 1925. С. 24–25].

⁶ Это характерный момент для всей работы по «исторической социологии понятий», претендующей на неслыханную оригинальность: это не история понятий, поскольку автор снимает с себя всякую ответственность за исследование «исторической траектории лексем от общества к обществу, из одной языковой среды в другую или от одних авторов к другим» [Бикбов 2014. С. 13]. Но это и никакое не социологическое исследование прошлого: рассуждая, например, о появлении «буржуазной»

ное развитие», которая играет в первой партийной программе большевиков роль цели целей партийной миссии, что определяет и всю дальнейшую дискурсивную судьбу этой формулы⁷. Отсутствие принципов выделения и структурирования текстов приводит к тому, что по сюжетам, связанным с темой личности, практически любой тезис книги «Грамматика порядка» без всякого труда фальсифицируется. Например, придуманное здесь противопоставление «массы» и «личности» в языке советских идеологов и пропагандистов не играет никакой роли: понятие «масса» используется для обозначения «множества личностей», более того, апологетику «буржуазной» личности мы встречаем у штатных идеологов режима уже в 1930-е годы⁸. Дело не в том,

личности в СССР, автор ограничивается упражнениями с текстами, диагностируя искомую «буржуазность» через употребление в партийных или иных документах слова «личность». Социолог, изучающий прошлое, не мог бы себе такого позволить, ему пришлось бы обратиться к совершенно иным источникам и корпусам эмпирических данных, чтобы, например, сообщить нам нечто стоящее о социальной истории советской урбанизации или, что больше соответствует современным трендам, об истории коллективных или индивидуальных культурных практик, которые можно определить как «буржуазные». Иными словами, весь проект «исторической социологии понятий», предложенный Бикбовым, примечателен тем, что представляет собой методологически неупорядоченные упражнения с произвольным набором текстов, которые не являются ни историей понятий, ни социальной историей или исторической социологией.

⁷ Вопрос о появлении этой формулы в Эрфуртской программе я, кстати, до сих пор считаю до конца не разрешенным, есть лишь рабочая гипотеза.

⁸ Ср. идеологическую отповедь Абрама Деборина Вернеру Зомбарту: «Однако фашисты часто „по недосмотру“ проговариваются, осуждая советский строй за то, что он-де недалеко ушел от „либерализма“ и что он покровительствует личности, что для марксизма нет ничего выше блага личности. Зомбарт в качестве старого „знатока“ и „критика“ марксизма в своей последней работе, где он обосновывает „принципы“ истинно германского „социализма“, снова в качестве сокрушительного аргумента против марксизма указывает на то, что марксизм исходит из тезиса о всестороннем развитии личности в социалистическом обществе. Господину Зомбарту „этот идеал пролетарского социализма“ до такой степени не по сердцу, что он его третирует как „буржуазный идеал“. „Мы уже знаем, — пишет он, — те основные ценности, увеличение которых пролетарский социализм рассматривает как прогресс. Эти ценности суть жизнь в довольстве, богатстве, знание, техника, свобода, равенство, масса“. Итак, „преступление“ пролетарского социализма в том, что он стремится к повышению материального благосостояния личности и к созданию условий для всестороннего развития всех способностей и задатков личности, к развитию знания, техники, свободы и пр. Разве это в самом деле не светопреставление? Ужасное кощунство видит господин Зомбарт (и все фашистские писатели, включая Гитлера, Розенберга, Геббельса и др.) в стремлении марксизма сделать всех людей счастливыми, или, как он цинично выражается, сделать так, чтобы масса была сыта. Нельзя отрицать того,

что этот дискурс неизменен, но в том, что автор не определил правила своей работы с текстами, в итоге занимается лишь верификацией своих интуиций, игнорируя множество фальсифицирующих примеров.

**Незнание
элементарных,
но при этом
важнейших
этапов советской
истории культур-
ной политики**

Бикбову ничего не известно о советской культурной революции и ее институциональных последствиях. Самый очевидный провал — незнание материалов последнего предвоенного съезда ВКП(б) и сталинской периодизации истории советского государства. Последняя выделяет три фазы, в которых без труда опознается позднейшая зворыкинская периодизация (т. е. периодизация также и Бикбова), впоследствии лишь хронологически масштабированная таким образом, чтобы выделить в отдельную фазу период от объявления Сталиным о начале активизации фазы культурной революции на XV съезде ВКП(б) 1927 г. (была анонсирована в последних выступлениях и работах Ленина⁹) до разоблачения культа личности Сталина в конце 1950-х. В 1938 г. Сталин: а) объявляет о завершении культурной революции; б) объявляет о переходе ко второй фазе истории советского государства, в которой «основная задача нашего государства внутри страны состоит в мирной хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе», а также в) кратко говорит о перспективах перехода к коммунизму, которые у него прямо увязаны с вопросом о сохранении или исчезновении государства. На том же съезде Сталин заявляет о переходе к «мирной фазе» строительства социализма по следующей причине: «Отпала-отмерла функция военного подавления внутри страны, ибо эксплуатация уничтожена, эксплуататоров нет больше, и подавлять некого». (Вслед за этим Сталин

что и фашисты несут заботы о личностях, но это личности „вождей промышленности“, магнаты капитала, между тем как марксизм и большевизм ставят в центре своих стремлений и забот интересы трудящихся масс. Но уже одно упоминание массы приводит фашистов в негодование, вызывая в них поистине звериную злобу. Личность трудящегося, живой человек, в нашей стране играет действительно центральную роль» [Деборин, 1936. С. 80–81].

⁹ Задача культурной революции, или поворота к «культурничеству», определяется Лениным в последних выступлениях и текстах как поворот от «учреждений» и «выдвижение роли личности». Подробный анализ раннего дискурса культурной революции см.: [Куренной, 2013]. Если бы Бикбов потрудился познакомиться с результатами этого и других исследований в сборнике, выпущенном под редакцией Ирины Глущенко и Виталия Куренного, до публикации своей работы, то его тезисы относительно раннесоветского дискурса имели бы менее фантастический характер и были бы лучше увязаны с российским научно-исследовательским процессом в этой области исследований, который давно ушел за пределы схем Зворыкина.

рассматривает людоедский вопрос о судьбе разных групп интеллигенции при переходе от первой ко второй фазе истории советского государства.) При этом Сталин все же сохраняет некоторую ясность мышления, различая вопросы внешней и внутренней политики государства. Чего не скажешь о современных историках понятий в России. Когда я читаю вот эту формулировку Бикбова, меня поражают две вещи: 1) незнание истории СССР; 2) легкость в объединении вопросов внутренней и внешней политики: «Объявленный в 1956–1957 гг. конец агонического противостояния классов внутри СССР и анонсирование начала внешнеполитического мирного сосуществования и экономического соревнования двух систем (в отличие от их непримиримой борьбы) не отменяет демаркационной линии между „социализмом“ и „капитализмом“» [Бикбов 2014. С. 184]. Вопросы внешней политики комментировать не буду, но «объявленный конец агонического противостояния классов внутри СССР» произошел отнюдь не в 1956–1957 гг., как тут пытается утверждать автор, а на 19 лет раньше. Серьезные лакуны в знании матчасти делают автора заложником схем, созданных Сталиным и позднее скорректированных советской официальной пропагандой.

Одна из особенностей советского дискурса — его расхождение с социальными практиками. Слив же «основные понятия» и «институты» в одну субстанцию, автор книги, которую было бы уместней назвать «беспорядочной грамматикой», оказался в положении человека, который, анализируя советскую глянцевою прессу, приходит к выводу, что в СССР секса все-таки не было, так как среди журналов не нашлось ни одного порнографического. Так, появление фигуры «потребителя» автор стремится датировать только 1960-ми годами, хотя переориентация на «дискурс потребностей и услуг» обозначена в работах Сталина 1952 г. и выражена совершенно недвусмысленно¹⁰. Но не нужно изучать даже работы Сталина, чтобы увидеть, что установка на товарное потребление в послевоенный период стремительно распространяется в советской массовой культуре¹¹. Еще более удивительны рассуждения о формировании феномена досуга в СССР, которое начинается якобы с 1960-х годов [Там же. С. 210–211]. От социолога можно было бы ожидать

**Чрезмерное
доверие к словам**

¹⁰ Текст Эгле Риндзевичуте я цитирую совершенно корректно: она констатирует развитие «дискурса потребностей и услуг» в 1960-х, я это подтверждаю, но также одновременно уточняю посредством указания источника, т. е. работы Сталина.

¹¹ Этот факт отмечен в моих работах на примере фильма «Кубанские казаки», выпущенного в 1949 г. [Куренной, 2009. С. 159]. Статья была впервые опубликована в 2004 г.

большого социологического воображения, например вопроса о том, когда СССР проходит основной этап формирования культурно-досуговых учреждений (проведение времени в которых рассматривается государством как наиболее одобряемая форма досуга). Это отнюдь не 1960-е годы. Когда Вячеслав Молотов на XVIII съезде ВКП(б) говорит о том, что именно вторая пятилетка внесла решающий вклад в реализацию культурной революции, у него на это есть основания. Именно в это время создается сеть учреждений культуры (культурно-досуговых учреждений), которая количественно (с некоторыми отклонениями) становится соразмерна той, которая действует в России до настоящего времени. В 1939 г. советская статистика фиксирует следующие цифры: «массовые библиотеки» — 77 590 (из них в РСФСР — 48 561); клубные учреждения — 103 983 (в РСФСР — 70 214); театры — 787 (449); музеи — 794 (555); парки культуры и отдыха — 348 (199) [Старовский, 1940. С. 7]. Причем резкий рост численности основных типов этих учреждений приходится именно на период второй пятилетки: число библиотек возрастает на 276,1%, клубов — на 231,8%, театров — на 126,8%. Число киноустановок в СССР в 1939 г. составляло 30 919 (в РСФСР — 20 638). Говоря о процессах обуржуазивания советского общества, автор во всей своей работе ни разу не обратил внимание на его социальную историю, которая в каких-то моментах могла подкрепить его тезисы о важной роли 1960-х годов в силу процессов урбанизации: именно в начале 1960-х доля городского населения в СССР впервые превысила долю сельского (в культурном отношении «буржуа» — это прежде всего «бюргер»).

Все эти масштабные организационные и институциональные трансформации выпадают из поля зрения Бикбова — в силу тех причин, по которым я не использую его книгу в своей работе. Надеюсь, эта краткая заметка объясняет, почему ссылки на эту работу больше никогда не появятся в моих публикациях. Хотелось бы также думать, что у него нет иллюзий насчет эксклюзивного права читать и цитировать работы Сталина и Большую советскую энциклопедию¹².

Литература

1. Бикбов А. (2014) Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Изд. дом ВШЭ.
2. Деборин А. (1936) Идеология фашизма // И. Дворкин, А. Деборин, М. Каммари (ред.) Против фашистского мракобесия и демагогии. М.: Соцэкгиз. С. 47–112.

¹² Статьи о личности в двух изданиях БСЭ приведены в моей статье 2007 г. [Куренной, 2007. С. 295], претензии автора книги 2014 г. по этому поводу выглядят не менее ошеломляющими, чем все его письмо в редакцию.

3. Куренной В. (2017) История философской истории понятий: предисловие к переводу Г. Люббе // Социология власти. № 4. С. 197–239.
4. Куренной В. (2013) Советский эксперимент строительства институтов // И. В. Глущенко, В. А. Куренной (ред.) Время, вперед! Культурная политика в СССР. М.: Изд. дом ВШЭ. С. 12–34.
5. Куренной В. (2009а) Философия фильма: упражнения в анализе. М.: Новое литературное обозрение.
6. Куренной В. (2009б) Институты и государство. Открытый семинар Центра политической теории при Институте общественного проектирования, МГУ. 12 октября. <http://www.inor.ru/page529/page582/page612/>
7. Куренной В. (2007) К постановке проблемы персональности в русском педагогическом дискурсе середины XIX — начала XX в. // Персональность: язык философии в русско-немецком диалоге. М.: Модест Колеров. С. 294–306.
8. Куренной В. (2004) Лейбниц и Петровские реформы // Отечественные записки. № 2. С. 437–440.
9. Луначарский А. (1925) Мораль с марксистской точки зрения. Севастополь: Пролетарий.
10. Старовский В. (ред.) (1940) Культурное строительство СССР. Стат. сб. за 1940 г. М.; Л.: Госпланиздат.
11. Lübbe H. (2003) Säkularisierung. Geschichte eines ideenpolitischen Begriffs. Um ein Nachwort erweiterte Neuausgabe. München: Verlag Karl Alber Freiburg.
12. Rindzevičiūtė E. (2008) Constructing Soviet Cultural Policy: Cybernetics and Governance in Lithuania. Linköping: Linköping University.
13. Yurchak A. (2005) Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton, NJ: Princeton University.
14. Zvorykin A. (1970) Cultural Policy in the Union of Soviet Socialist Republics. Paris: UNESCO.